

УДК 341.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-358-62-77

Р. Р. Исмаилов

Конституционный суд Азербайджанской Республики,

Баку, Азербайджан,

rovshan_ismayilov@constcourt.gov.az

ДЕЙСТВИЕ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ ПО КРУГУ ЛИЦ: *INTER PARTES* ИЛИ *ERGA OMNES*

Аннотация. Статья посвящена исследованию действия решений органов конституционного контроля по кругу лиц, обычно обозначаемое как действие *inter partes* и *erga omnes*. Автор анализирует теоретические и практические аспекты данной проблемы, опираясь на примеры нормативной регламентации правовых систем США, Германии, Франции, Италии, Испании, Португалии и других стран. Особое внимание уделено влиянию принципа *stare decisis* в диффузной модели, а также концепции «негативного законодателя», характерной для централизованного контроля в странах континентального права. В работе показано, что граница между указанными подходами не является абсолютной, а конкретная правоприменительная практика обусловлена национальными особенностями и эволюцией конституционного контроля в различных странах. Выводы статьи подчеркивают необходимость дальнейшего изучения рассматриваемого вопроса в процессе адаптации традиционных моделей к реалиям современных правовых систем и разработки на этой основе более точных критериев разграничения моделей конституционного контроля.

Ключевые слова: конституционный контроль; *inter partes*; *erga omnes*; *stare decisis*; централизованная модель; диффузная модель.

UDC 341.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-358-62-77

R. R. Ismailov

Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan,

Baku, Azerbaijan,

rovshan_ismayilov@constcourt.gov.az

THE EFFECT OF DECISIONS OF CONSTITUTIONAL REVIEW BODIES ON PERSONS: *INTER PARTES* OR *ERGA OMNES*

Abstract. The article is devoted to the study of the action of decisions of constitutional control bodies on persons, including the distinction between the action *inter partes* and *erga omnes*. The author analyses theoretical and practical aspects of this problem, relying

on examples from the legal systems of the USA, Germany, France, Italy, Spain, Portugal and other countries. Special attention is paid to the influence of *stare decisis* in the diffuse model, as well as the concept of 'negative legislator', characteristic of centralised control in the countries with civil law systems. The article shows that the boundary between the above approaches is not absolute, and the specific law practice is conditioned by national peculiarities and evolution of constitutional control in different countries. The conclusions of the article emphasise the need for further study of the issue in question in the process of adapting traditional models to the realities of modern legal systems and developing on this basis more precise criteria for differentiating models of constitutional control.

Keywords: constitutional control; *inter partes*; *erga omnes*; *stare decisis*; centralised model; diffuse model.

Введение

Исследование различных аспектов деятельности органов конституционного контроля на протяжении многих лет основывается на широко распространенном мнении, согласно которому все системы конституционного контроля, так или иначе, могут быть отнесены к одной из двух моделей: диффузной или централизованной. В последние годы в научной доктрине этот подход все чаще ставится под сомнение [18; 4]. В частности, различные авторы разработали альтернативные указанному выше подходу предложения по моделированию конституционного контроля. Главная причина, по которой необходимо переосмыслить построение моделей конституционного контроля по органоцентрическому критерию на диффузную и централизованную, — это так называемые эмпирические проблемы [32, р. 161]. Их суть сводится к тому, что сконструированные модели не в состоянии адекватно отразить правовую реальность многообразия систем конституционного контроля, сложившихся в различных странах.

Следует отметить, что одним из критериев, регулярно используемых учеными для противопоставления диффузной и централизованной моделей конституционного контроля, является круг лиц, на которых распространяются решения органа, осуществляющего контроль. Соответственно, в рамках такой классификации можно выделить решения, действующие *in casu et inter partes*¹ [3, с. 309] (обычно именуемые *inter partes*), а также *erga omnes*² [3, с. 187]. В первом случае судебный акт имеет правовые последствия только для сторон в конкретном процессе, во втором он имеет общие последствия, применимые ко всем субъектам. При этом широко распространено мнение, что в системах конституционного контроля, придерживающихся диффузной модели, характерно действие *inter partes*, а для стран с централизованной моделью — действие *erga omnes* [17, р. 85–88; 8, с. 231–232; 6, с. 58; 1, с. 60; 5, с. 171; 9, с. 32, 40].

¹ Между сторонами по делу (*лат.*).

² По отношению ко всем; к каждому (*лат.*).

Кроме того, закон, признанный неконституционным с действием *inter partes*, считается недействительным в принципе, как не имеющий никаких последствий. То есть в данном случае решение имеет обратную силу в том смысле, что оно имеет последствия *ex tunc*³ [3, с. 205], а закон, объявленный неконституционным, считается никогда не существовавшим или никогда не имевшим юридической силы. Поэтому решение органа конституционного контроля имеет декларативные последствия, так как оно объявляет, декларирует ничтожность неконституционного закона.

С другой стороны, решение о неконституционности закона с действием *erga omnes* считается аннулируемым. Поэтому в данном случае решение, имея перспективное действие, характеризуется последствиями *ex nunc*⁴ [3, с. 204] или *pro future*⁵ [3, с. 510], а закон, признанный неконституционным, считается действующим вплоть до его отмены судом или до определенного им момента в будущем, но после принятия решения. Таким образом, в этом случае решение имеет конститутивные последствия — в том смысле, что закон становится неконституционным только после принятия решения.

Тем не менее это различие, связанное с правовыми последствиями судебного решения о неконституционности закона, не является абсолютным, как свидетельствует практика осуществления конституционного контроля в различных странах. Поэтому необходимо более подробно исследовать возможность использования (в качестве дополнительного) рассматриваемого критерия для дифференциации диффузной и централизованной моделей.

Основное исследование

Несмотря на то что в системах с диффузной моделью конституционного контроля решение имеет последствия *inter partes* (например, в США при принятии решения Верховным судом), практические последствия этого решения, в силу доктрины *stare decisis*, по сути, являются общими.

Формально решение, принятое Верховным судом США по конституционному вопросу, имеет значение только для сторон по делу. Закон, признанный неконституционным, не аннулируется судом, поскольку законодательный орган, его принявший, является единственным органом, уполномоченным на его отмену. Соответственно, такой закон продолжает действовать, несмотря на негативное решение о его действительности. Тем не менее, когда решение о неконституционности закона принимается Верховным судом, в отношении нижестоящих судов действует правило *stare decisis et non qujeta movere*⁶ [2, с. 142], согласно которому они обязаны следовать решению Верховного

³ С момента совершения (лат.).

⁴ С настоящего момента; с момента вынесения решения (лат.).

⁵ На будущее; в будущем (лат.).

⁶ Стоять на решенном и не нарушать спокойствие (лат.).

суда. На практике это означает, что данный закон, по существу, может считаться утратившим силу, поскольку после соответствующего решения Верховного суда, если в отношении этого нормативно-правового акта будут возбуждены другие дела в других судах, они будут обязаны их разрешать в соответствии с позицией вышестоящего суда [25, р. 611].

С другой стороны, необходимо учитывать, что Верховный суд, вынося решение о конституционности закона, толкует Конституцию, определяя содержание высшего закона страны. Учитывая принцип верховенства Конституции США, решения этого суда, содержащие выявленный смысл Основного закона, являются обязательными для всех государственных органов.

Этот вопрос был рассмотрен Верховным судом в деле «*Купер против Аарона*». Основанием для рассмотрения данного дела стала сложившаяся ситуация в некоторых южных штатах, в которых ряд должностных лиц, включая губернатора и членов законодательного собрания Арканзаса, отказались выполнять решение Верховного суда по делу «*Браун против Совета по образованию Топики*»⁷. Они настаивали на том, что штаты вправе не следовать решениям федеральных судов, если придут к выводу, что те противоречат Конституции.

Суд единогласно отверг это утверждение и подтвердил юридическую обязательность своего предыдущего решения по делу *Брауна* о недопустимости практики сегрегации в системе образования для органов всех ветвей власти в штатах, будь то законодательная, исполнительная или судебная власть. В частности, сославшись на решение по делу «*Марбери против Мэдисона*»⁸, суд указал, что это решение провозгласило основной принцип, согласно которому «федеральная судебная власть является верховной в толковании Конституции, и с тех пор этот принцип соблюдается этим судом и всей страной как постоянная и неотъемлемая черта нашей конституционной системы. Из этого следует, что толкование Четырнадцатой поправки, сформулированное этим судом в деле Брауна, является высшим законом страны, а ст. VI Конституции делает ее обязательной для штатов, несмотря на все положения Конституции или законов любого штата об обратном». Поэтому «конституционные права детей не подвергаться дискриминации при приеме в школу по признаку расы или цвета кожи, провозглашенные этим судом в деле Брауна, не могут быть отменены законодателями штата, его исполнительными или судебными органами ни открыто и прямо, ни косвенно, посредством уклончивых схем сегрегации»⁹.

Таким образом, в США, благодаря действию принципа *stare decisis*, предполагающего обязательную силу решений Верховного суда, обеспечивается единообразное истолкование Конституции, что, в свою очередь, позволяет избежать противоречивых решений судов по конституционным вопросам. При этом, правда, следует уточнить, что принцип *stare decisis* не является абсолютным.

⁷ Brown v. Board of Education of Topeka. 347 U.S. 483 (1954).

⁸ Marbury v. Madison. 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803).

⁹ Cooper v. Aaron. 358 U.S. 1 (1958).

Это проявляется в первую очередь в отношении самого Верховного суда. Как было указано судьей Л. Брендайзом в деле «*Burnet против Колорадо ойл энд газ*»: «*Stare decisis* не является, в отличие от правила *res judicata*, всеобщим и непреложным предписанием. ... В делах, затрагивающих Федеральную Конституцию, где исправление путем принятия законодательных мер практически невозможно, Суд часто отменял свои предыдущие решения. Суд склоняется перед уроками опыта и убедительностью рассуждений, признавая, что процесс проб и ошибок, столь плодотворный в физических науках, уместен и в судебной функции»¹⁰.

Тем не менее вплоть до изменения Верховным судом США своей правовой позиции, она, в силу действия принципа *stare decisis*, обязательна для нижестоящих судов и иных государственных органов. Таким образом, соответствующее решение данного суда, хоть и косвенно, но приобретает силу, сопоставимую с *erga omnes*, несмотря на то что формально действие такого решения ограничено сторонами по рассмотренному делу.

Что касается централизованной модели конституционного контроля, то и здесь не во всех случаях решения органов конституционного контроля обязательны для всех субъектов. Например, в некоторых системах контроля действие решения, принятого в порядке конкретного контроля, ограничивается только участниками процесса, в котором рассматривалась конституционность оспоренного закона.

Что касается обоснования необходимости распространения силы *erga omnes* на решения конституционных судов, то в литературе высказывалось мнение, что «с точки зрения государственного устройства наиболее важным элементом европейской модели защиты Конституции является абсолютный результат решения органа конституционного правосудия. Решение конституционного суда или трибунала имеет последствие *erga omnes*, то есть касается всех (а не только сторон осуществляемого в суде конституционного производства, как в американской модели)» [9, с. 40].

В этой связи следует отметить, что изначально концепция централизованного конституционного контроля, возложенного на специализированный суд, задумывалась Г. Кельзеном как осуществление не судебной функции (несмотря на название органа), а законодательной, как органа, принимающего «негативный акт законодательства»¹¹. Конституционный суд не должен выносить конкретных решений о неконституционности законов на основании каких-либо предположений об отдельном факте; это относится к компетенции органа, вносящего запрос о конституционности. Компетенция же конституционного суда ограничивается чисто абстрактным вопросом о наличии логического соответствия, которое должно существовать между проверяемым законом и конституцией.

¹⁰ Burnet v. Coronado Oil and Gas Co. 285 U.S. 393 (1932). P. 406.

¹¹ Kelsen H. La garantie juridictionnelle de la Constitution. La Justice constitutionnelle // Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger. 1928. P. 224–226. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9355286/f205.item> (дата обращения: 16.03.2025).

Соответственно, в этом чисто логическом суждении, для которого не характерно реальное применение закона в конкретном деле, речь не идет о судебной деятельности, подразумевающей разрешение спора. Поэтому Г. Кельзен указывает, что, когда конституционный суд объявляет закон неконституционным, его решение является проявлением законодательного действия, что, в свою очередь, дает основания предполагать, что решение конституционного суда имеет силу закона. В связи с этим считается, что до принятия этого решения закон является действительным, а судьи судов общей юрисдикции обязаны его применять¹².

Г. Кельзен разработал эту концепцию в качестве ответа на возможные возражения, которые мог бы вызвать судебный контроль за конституционностью законов, учитывая идею верховенства парламента, широкую распространенную в правовой доктрине большинства европейских стран начала прошлого века. Таким образом, запрещая судьям общих судов воздерживаться от применения не соответствующих Конституции законов и одновременно предоставляя конституционному суду право признавать закон неконституционным с действием *erga omnes*, с одной стороны, обеспечивались требования доктрины верховенства парламента, а с другой — гарантировался примат Конституции над законом.

В результате конституционный суд, вместо того чтобы конкурировать с парламентом, становится его логическим дополнением. Его функция сводилась к решению вопросов о действительности закона на основе рациональной логики, без всякой необходимости разрешать конкретные споры, выступая в качестве негативного законодателя. Поэтому законодательная власть для Г. Кельзена делилась на два органа: первым был собственно парламента, являющийся носителем политической инициативы, так называемый позитивный законодатель; вторым — конституционный суд, наделенный полномочиями отменять законы, противоречащие конституции. Вполне естественно, что рамках данной концепции конституционный суд представляется конституционным органом, отделенным от судебной ветви власти¹³.

Как бы то ни было, сегодня, несмотря на то что практически повсеместно [15, р. 1218–1219] признается скорее судебный, а не законодательный характер деятельности конституционных судов, концепция данного органа, рассматриваемого в качестве суда, который, как правило, не входит в судебную систему страны, преобладает в правовой доктрине стран континентальной Европы. Вместе с тем именно качество «негативного законодателя» позволяет конституционным судам выносить решения, имеющие общеобязательную силу *erga omnes*. Признанный неконституционным закон фактически отменен, так как ни один суд или иной правоприменительный орган не вправе его применять [23, р. 9]. В этой связи следует указать на мнение итальянского ученого А. Пиццоруссо, отмечавшего, что источниками права являются только те, которые устанавливают нормы, которые обладают характером *erga omnes*,

¹² Kelsen H. La garantie juridictionnelle de la Constitution. P. 224–225.

¹³ Ibid. P. 223. (дата обращения: 16.03.2025).

в отношении всех субъектов правовой системы (хотя они не обязательно применимы к каждому из этих субъектов) [27, р. 15].

Таким образом, присущее странам романо-германской семьи права понимание принципов верховенства парламента и демократической легитимности публичной власти, которая в судебной системе проявляется косвенно и может быть достигнута путем строгого применения законов, принятых демократически избранными представительными органами [26, р. 66], предопределяет ситуацию, когда не суд общей юрисдикции, а лишь исключительно специализированный орган конституционного контроля имеет право принимать решение о соответствии парламентского акта конституционному правопорядку страны. Соответственно, решения этого органа о неконституционности общей нормы имеют общий эффект (*erga omnes*) в правовом порядке и, являются обязательными для любого органа государственной власти, будь то это законодательная, исполнительная или судебная власть. Данный подход присущ законодательству таких стран, как Венгрия¹⁴, Германия¹⁵, Испания¹⁶, Польша¹⁷, Франция¹⁸, Чехия¹⁹ и многих других.

Однако, несмотря на то что признак общеобязательности решений конституционного суда является важнейшей отличительной чертой централизованной модели, конституционная и законодательная практика ряда государств свидетельствует, что в определенных случаях решения конституционных судов носят характер *inter partes*, т. е. обязательны лишь для соответствующих участников конституционного дела.

При этом, правда, следует отметить, что практически во всех системах конституционного контроля, организованных по данной модели, проверка

¹⁴ См. ст. 39(1) Закона о Конституционном суде Венгрии // Act CLI of 2011 on the Constitutional Court. URL: <https://hunconcourt.hu/act-on-the-cc/#:~:text=search-,act%20on%20the%20CC,-Act%20CLI%20of/> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁵ См. ст. 31 Закона о Федеральном Конституционном суде Германии // Federal Constitutional Court Act in the version of 11 August 1993 (Federal Law Gazette I p. 1473), last amended by Article 46 of the Act of 12 July 2024 (Federal Law Gazette I no. 234). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bverfgg/englisch_bverfgg.html (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁶ См. ст. 38 (1) Органического закона о Конституционном суде Испании // Ley Orgánica 2/1979, de 3 de octubre, del Tribunal Constitucional. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1979-23709> (дата обращения: 16.03.2025). См. также: ст. 5(1) Органического закон о судебной власти, которая обязывает суды следовать толкованию конституционных положений и принципов, изложенных в решениях Конституционного суда // Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-12666> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁷ См. ст. 190(1) Конституции Республики Польша // The Constitution of the Republic of Poland of 2nd April, 1997. URL: <https://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/angielski/kon1.htm/> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁸ См. ст. 62 Конституции Франции // Constitution du 4 octobre 1958. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000571356/> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁹ См. ст. 89(2) Чешской Республики // Ústava České republiky ze dne 16. prosince 1992 ústavní zákon č. 1/1993 Sb. ve znění ústavního zákona č. 347/1997 Sb., 300/2000 Sb., 448/2001 Sb., 395/2001 Sb., 515/2002 Sb., 319/2009 Sb., 71/2012 Sb. a 98/2013 Sb. URL: <https://www.psp.cz/docs/laws/constitution.html> (дата обращения: 16.03.2025).

конституционности закона, осуществленная в порядке абстрактного контроля, завершившаяся признанием данного акта неконституционным, оформляется решением конституционного суда, имеющего силу *erga omnes*. Считается, что в таких делах процессуальные отношения складываются не между истцом и ответчиком, а фактически между заявителем и законом, конституционность которого оспаривается. В данном случае процесс рассматривается как объективный, а не субъективный. Поэтому, если в результате соответствующей проверки конституционности закона будет установлено его несоответствие конституции, последствия такого решения обязательно должны быть *erga omnes* и не могут быть *inter partes* из-за отсутствия истца и ответчика [13, р. 193].

Единственным исключением является опыт Монголии, где сохранены некоторые элементы парламентского контроля за конституционностью. Поэтому решения Конституционного суда данного государства не вступают в силу по их принятию, а направляются, согласно требованиям статьи 66 Конституции²⁰, в Великий государственный хурал, который в течение 15 дней выносит постановление о принятии решения Конституционного суда²¹. В противном случае оно направляется в конституционный суд, который пересматривает весь спор с самого начала. Если основания для отклонения Великим хуралом подтвердятся, Конституционный суд выносит постановление об отмене своего решения.

Сходная ситуация существовала в Польше также в период между 1988 и 1997 годами, когда сейм был наделен правом отменять решения Конституционного трибунала большинством в две трети голосов [31, р. 624].

Относительно решений конституционного суда, принятых в порядке конкретного контроля, также считается, что они должны иметь силу *erga omnes*. Объясняется это тем, что решение конституционного суда сосредоточено на аспектах, касающихся только права, а не фактов, то есть при формировании своей позиции по делу суд не ограничивается конкретным процессом и сторонами, в которых изначально был поднят конституционный вопрос [13, р. 194].

Поэтому в рамках и конкретного контроля, начатого по запросу судов общей юрисдикции, конституционный суд решает поднятый вопрос о конституционности закона абстрактно, не обращаясь ни к фактам, ни к конкретному процессу, в котором может быть поднят конституционный вопрос. Этот вопрос рассматривается не столько для того, чтобы разрешить конкретное дело между сторонами, а для обеспечения верховенства конституции. Таким образом, логика осуществления конституционного контроля в таких странах, как Германия, Австрия, Российская Федерация, Азербайджанская Республика и многих других, в которых сформирована централизованная модель, заключается в том, что решение конституционного суда должно носить характер всеобщего применения, распространяясь на все государственные органы и, таким образом, иметь силу *erga omnes*.

²⁰ Конституция Монгольской Народной Республики // Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010.

²¹ The Law on Constitutional Court Procedure. URL: <https://en.constitutionalcourt.mn/the-law-o-constitutional-court-procedure/> (дата обращения: 16.03.2025).

Однако, как уже отмечалось, опыт отдельных государств европейской модели конституционного контроля свидетельствует, что данный принцип применительно к решениям, принятым в порядке конкретного контроля, соблюдается не всегда.

В частности, Конституционный суд Люксембурга, уполномоченный проверять соответствие законов Конституции страны только в контексте запросов, внесенных судами общей юрисдикции, принимает решения обязательные не для всех судей, а лишь для того судьи, кто непосредственно внес запрос, а также для судей иных судов в дальнейшем призванных вынести решение по этому же делу [24, р. 231]²². Соответственно, признание закона неконституционным не влечет утрату им силы, а данное решение суда имеет силу *inter partes*²³.

В определенной степени сходным образом, в Бельгии при проверке конституционности законов в рамках конкретного контроля, инициированного судами общей юрисдикции, решения Конституционного суда о неконституционности закона обязательны для судьи, внесшего запрос, а также для всех тех судов, которые впоследствии должны вынести решение по тому же делу, то есть делу, с участием одних и тех же сторон и по поводу того же предмета (например, в Апелляционном суде) [20, р. 91; 29, р. 56]²⁴. Такое решение Конституционного суда, впрочем, в силу положений § 2 статьи 26 Специального закона о Конституционном суде освобождают суды общей юрисдикции от обязанности вносить впоследствии запрос об оспаривании данного закона уже признанного неконституционным. Более того, Кассационный суд Бельгии в одном из своих решений постановил, что во всех случаях, когда предмет тождественен уже решенному Конституционным судом вопросу о неконституционности закона, судья не может применять норму этого закона [25, р. 611].

В то же время § 2 статьи 4 указанного закона наделяет ряд субъектов правом оспаривания *in abstracto* конституционности закона, признанного ранее Конституционным судом, не соответствующим Конституции на основе запроса суда общей юрисдикции [21, р. 313]. К числу этих субъектов относятся Совет министров, правительство сообщества или региона, председателей законодательных собраний по требованию двух третей их членов или любое физическое или юридическое лицо, имеющее законный интерес. При этом Закон также устанавливает, что указанное право может быть реализовано не ранее 6 месяцев с момента официального опубликования решения Конституционного суда о неконституционности закона. В результате данной процедуры оспариваемый закон может быть отменен полностью [12, р. 112–113; 19, р. 119–120].

²² Loi du 27 juillet 1997 portant organisation de la Cour Constitutionnelle: Version consolidée applicable au 03/07/2023. URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1997/07/27/n6/consolide/20230703> (дата обращения: 16.03.2025).

²³ European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Decisions of constitutional courts and equivalent bodies and their execution. Report adopted by the Commission at its 46th plenary meeting (Venice, 9–10 March 2001). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF\(2001\)009-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF(2001)009-e) (дата обращения: 16.03.2025).

²⁴ См статью 28 Специального акта о Конституционном суде. URL: <https://www.const-court.be/en/court/basic-text#2-legislation-organique> (дата обращения: 16.03.2025).

В Португалии в рамках процедуры конкретного контроля решение Конституционного суда по вопросу о конституционности нормы применяется только к делу, послужившему основанием для начала конституционного производства (ч. 1 ст. 80 Закона о Конституционном суде Португалии)²⁵. То есть, если оспоренная норма признается не соответствующей Конституции, суд общей юрисдикции не вправе ее применить в данном конкретном споре.

Однако, если одна и та же норма будет признана неприменимой в связи с ее неконституционностью не менее чем в трех разных делах, то по инициативе одного из судей Конституционного суда или Генерального прокурора Конституционный суд вправе начать процедуру абстрактного контроля (ст. 82 Закона о Конституционном суде Португалии). В случае, если на пленарном заседании суда норма будет признана не соответствующей Конституции, решение об этом имеет такую же силу, как любое иное решение, принятое в порядке абстрактного контроля — *erga omnes*²⁶.

Здесь следует отметить, что указанные выше правовые регулирования охватывают случаи действия решений конституционных судов о признании оспариваемого закона неконституционным. Ситуация может быть совершенно иной при вынесении решения органа конституционного контроля об отказе признать неконституционность обжалуемого закона. В частности, законодательство ряда стран допускает в таких случаях повторное оспаривание закона, признанного ранее соответствующим конституции при условии обоснования жалобы или запроса новыми аргументами, не рассмотренными ранее конституционным судом. С другой стороны, если суд проверяет закон не только в рамках конкретных аргументов, приведенных заявителями, но и в свете иных, дополнительных доводов, выдвигаемых судом по собственной инициативе, его вывод о конституционности закона выглядит более убедительным [23, р. 9].

В целом же асимметрия между решениями, оформляющими негативный или позитивный результат проверки конституционности законов в различных странах, существенно варьируется. Так, в Португалии только решения о признании неконституционности, принятые в результате инициирования управомоченными субъектами абстрактного контроля имеют силу *erga omnes* [10, р. 700].

В Италии данное утверждение справедливо лишь в отношении решений Конституционного суда о признании нормы неконституционной. Иначе говоря, определяющее значение имеет не процедура, используемая при оспаривании, а содержание итогового решения суда по делу. В частности, так называемое отказное решение (*sentenze di rigetto*), в котором Конституционный суд не выявляет нарушение Конституции по запросу суда общей юрисдикции, имеет обязательное значение для внесшего запрос судьи и связывает его только в рамках рассматриваемого им дела, да и то лишь в отношении оснований, приведенных в запросе [11, р. 82; 30, р. 192–193].

²⁵ Law of the Constitutional Court. Law no. 28/82, of 15 November. URL: <https://www.tribunalconstitucional.pt/tc/content/files/en/lawoftheconstitutionalcourt.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

²⁶ Ibid (дата обращения: 16.03.2025).

Следует, однако отметить, что данный вопрос изначально не однозначно воспринимался в правовой доктрине. Так, профессор П. Каламандреи утверждал, что отказные решения должны восприниматься как аутентичные толкования Конституции, которые призваны препятствовать возможности оспаривания в последующем и, следовательно, имеют силу *erga omnes* [14, p. 71]²⁷. Тем не менее Конституционный суд пришел к противоположному выводу. Действие его решения об отсутствии оснований для признания нормы неконституционной ограничивается основным процессом, в котором этот вопрос был впервые поднят; следовательно, это решение имеет обязательную силу только для конкретного дела. Для обоснования данной позиции было отмечено, что, поскольку в целом для итальянской правовой системы присуще ограничение действия судебных решений рамками конкретного дела, норма статьи 136 Конституции, которая придает решениям Конституционного суда о неконституционности норм права силу *erga omnes*, имеет исключительный характер, который не может быть объектом расширительного толкования. В результате действие решений *erga omnes* не может быть применено к отказным решениям [16, p. 56–57].

Данное положение применяется и в отношении так называемых отказных толковательных решений (*sentenza interpretativa di rigetto*) [7, с. 50]. С помощью таких решений суд указывает судье, внесшему запрос, альтернативное толкование нормы, соответствующее Конституции, и тем самым отказывается признать норму неконституционной. Поэтому отказные толковательные решения для других судей обладают не обязательным, а убеждающим воздействием. Это означает, что эффективность отказных решений, в которых итальянский Конституционный суд в результате осуществленного им конформного толкования, указывает на то, что он считает единственно правильной и соответствующей Конституции интерпретацией нормы, зависит от того, согласятся ли с этим толкованием суды общей юрисдикции, и в первую очередь Кассационный суд.

В судебной практике Италии был случай, когда в возникшем конфликте между высшими судами по этому вопросу Конституционный суд был вынужден уступить Кассационному суду. Речь идет об отсутствии согласия указанных судов о толковании ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса, связанной с исчислением максимального срока предварительного заключения [33, p. 128–129]. В 1998 г. Конституционный суд вывел, соответствующее статьям 3 и 13 Конституции толкование ст. 303 кодекса²⁸. Кассационный суд, усомнившись в правильности такого толкования, считая норму неконституционной, оспорил ее в Конституционном суде. Однако орган конституционного контроля отклонил запрос, повторив, что ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса следует толковать в соответствии с ранее изложенными позициями Конституционного суда, при этом указав, что данная норма не является неконституционной²⁹.

²⁷ Calamandrei P. La illegittimità costituzionale delle leggi nel processo civile. 1950. P. 71.

²⁸ Corte Costituzionale. Sentenza 292/1998. 7 luglio 1998. URL: https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?param_ecli=ECLI:IT:COST:1998:292 (дата обращения: 16.03.2025).

²⁹ Corte Costituzionale. Ordinanza 335/2003. 27 ottobre 2003. URL: https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?param_ecli=ECLI:IT:COST:2003:335.

Кассационный суд отказался следовать этому толкованию, отметив, что «отказные толковательные решения Конституционного суда не обладают силой *erga omnes*. В этом отношении они отличаются от выводов Конституционного суда о неконституционности оспариваемого положения. Первые содержат только вывод об отсутствии неконституционности и являются определяющими только для дела, в связи с которым был поднят вопрос о конституционности. Во всех остальных случаях обычные судьи сохраняют свои полномочия и обязанность (предусмотренные ст. 101 ч. 2 Конституции) автономно толковать содержание правовых норм»³⁰.

В итоге Конституционный суд был вынужден уступить и в решении от 22 июля 2005 признал ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса Италии неконституционной, согласившись с аргументацией Кассационного суда³¹.

Наряду с этим для целого ряда стран нехарактерно установление различного действия для решений конституционных судов в зависимости от признания или непризнания оспоренного акта неконституционным. Так, в Испании эти решения, согласно статье 38 Органического закона о Конституционном суде, обязательны для всех публичных властей и порождают общие правовые последствия со дня их опубликования в «Официальном бюллетене государства» [23, р. 170], а в Германии, в соответствии со статьей 31.1 Закона о Федеральном Конституционном суде имеют силу закона и поэтому обязательны для всех субъектов права [22, р. 329–331].

Результаты исследования

Проведенное исследование показало, что действие решений органов конституционного контроля по кругу лиц может варьироваться в зависимости от модели контроля и национальных правовых традиций. Хотя традиционно принято считать, что диффузная модель предполагает действие решений органов конституционного контроля *inter partes*, а централизованная — *erga omnes*, анализ законодательства и правовой практики различных стран свидетельствует о существовании многочисленных исключений по данному вопросу.

В странах с диффузной моделью, таких как США, механизм *stare decisis* фактически приводит к тому, что решения Верховного суда оказывают влияние, аналогичное действию *erga omnes*. В централизованных системах, напротив, встречаются случаи, когда решения конституционных судов носят ограниченный характер и применяются только к конкретным субъектам, участвовавшим в рассмотрении дела.

³⁰ Corte di Cassazione, Sezioni unite penali. Sentenza 17 maggio 2004 n. 23016. URL: https://www.associazionedeicostituzionalisti.it/old_sites/sito_AIC_2003-2010/cronache/giurisprudenza_costituzionale/200423016/sent_23016_2004.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

³¹ Corte Costituzionale. Sentenza 299/2005. 7 luglio 2005. URL: <https://www.cortecostituzionale.it/stampaPronunciaServlet?anno=2005&numero=299&tipoView=P&tipoVisualizzazione=O> (дата обращения: 16.03.2025).

Различные государства выработали собственные подходы к разграничению правовых последствий решений органов конституционного контроля, включая ограничение их обязательности и привязку к конкретным процедурам судебного контроля. Таким образом, строгое противопоставление действия правил *inter partes* и *erga omnes* применительно к актам органов конституционного контроля утрачивает абсолютный характер и требует дальнейшего осмысления в контексте конкретных национальных систем.

Вышеизложенное еще раз свидетельствует и о необходимости более тщательного подхода при определении точных критериев при конструировании различных моделей конституционного контроля.

Список источников

1. Березин Ю. Б. Конституционно-правовой статус органов конституционного контроля в европейских странах: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 234 с.
2. Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2007. 1211 с.
3. Душенко К. В., Багриновский Г. Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. М.: КоЛибри, 2017. 909 с.
4. Исмаилов Р. Р. Перспективы европейской модели конституционного контроля // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 1. С. 32–41.
5. Миряшева Е. В., Павликов С. Г., Сафонов В. Е. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность. / М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. 303 с.
6. Молотов А. В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 229 с.
7. Раффайнер Ш. «Иной мир» государственного иммунитета в германо-итальянском споре об иммунитете государства: возможности и препятствия после решения итальянского Конституционного Суда // Дайджест публичного права. 2019. №. 1. С. 42–71.
8. Сравнительное конституционное право / Б. Н. Топорнин [и др.]. М.: Манускрипт, 1996. 728 с.
9. Шиманек Я. Конституционное правосудие постсоветских государств на фоне модельных решений в сфере внепарламентского контроля конституционности права // Конституционная юстиция в странах Восточной Европы: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2019. С. 20–60.
10. Amaral M., Pereira R. The Portuguese Constitutional Court // Constitutional Adjudication: Institutions. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 673–718.
11. Italian constitutional justice in global context / V. Barsotti [i dr.]. Oxford: Oxford University Press, 2017. 324 s.
12. Behrendt Ch. The Belgian Constitutional Court // Constitutional Adjudication: Institutions. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 71–117.
13. Brewer-Carías A. Judicial Review in Comparative Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 432 s.

14. Calamandrei P. La illegittimità costituzionale delle leggi nel processo civile. Padova: Cedam, 1950. 98 s.
15. Cappelletti M., Adams J. Judicial review of legislation: European antecedents and adaptations // *Harvard Law Review*. 1966. Vol. 79. S. 1207–1224.
16. Cappelletti M. La justicia constitucional en Italia // *Boletín del Instituto de Derecho Comparado de México*. 1960. Vol. 13. S. 41–57.
17. Cappelletti M. Judicial review in the contemporary world. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1971. 117 s.
18. da Silva V. A. Beyond Europe and the United States: the wide world of judicial review // *Comparative Judicial Review*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. S. 318–336.
19. Debaenst B. An Introduction to Belgian Legal Culture // *Handbook on Legal Cultures: A Selection of the World's Legal Cultures*. Cham: Springer Publishing, 2023. S. 107–144.
20. de Jaegere J. Judicial review and strategic behaviour: an empirical case law analysis of the Belgian Constitutional Court. Cambridge: Intersentia, 2019. 368 s.
21. de Visser M. Constitutional Review in Europe: A Comparative Analysis. Oxford: Hart Publishing, 2014. 484 s.
22. Farahat A. The German Federal Constitutional Court // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 279–355.
23. Ferreres Comella V. Constitutional courts and democratic values a European perspective. New Haven: Yale University Press, 2009. 256 s.
24. Gerkrath J. The constitution of Luxembourg in the context of EU and international law as «Higher Law» // *National Constitutions in European and Global Governance: Democracy, Rights, the Rule of Law*. The Hague: Asser Press, 2019. S. 221–267.
25. Kauper P. Judicial Review of Constitutional Issues in the United States // *Verfassungsgerichtsbarkeit in der Gegenwart*. (Internationalen Kolloquium, Heidelberg 1961). Köln – Berlin: C. Heymann's Verlag. S. 568–642.
26. Kommers D., Miller R. The constitutional jurisprudence of the Federal Republic of Germany. Durham: Duke University Press, 2012. 900 s.
27. Pizzorusso A. Delle Fonti del Diritto. Commentario del Codice Civile, Art. 1–9. Bologna, 1977. S. 15.
28. Pfersmann O. Classifications organocentriques et classifications normocentriques de la justice constitutionnelle en droit comparé // *En hommage à Francis Delpérée — Itinéraires d'un constitutionnaliste*. Bruxelles/Paris: Bruylant/LGDJ, 2007. S. 1131–1145.
29. Popelier P., Martens L. The Belgian Constitutional Court: Navigating between constitutional rights and consociational politics // *Constitutional Review in Western Europe: judicial-legislative relations in comparative perspective*. Abingdon: Routledge, 2024. S. 52–76.
30. Rullo L. The Italian Constitutional Court: A powerful political institution // *Constitutional Review in Western Europe: judicial-legislative relations in comparative perspective*. Abingdon: Routledge, 2024. S. 191–214.
31. Tuleja P. The Polish Constitutional Tribunal // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 619–672.
32. Tusseau G. Au-delà des «modèles» de justice constitutionnelle, pour un comparatisme pragmatiste // *Metodologia della comparaisons*. Lo studio dei sistemi giudiziari nel contesto euro-americano. Bologna: Filodiritto Editore, 2014. S. 160–175.

33. Valentini C. Italy: Constitutionally Conforming Interpretation and Judicial Dialogue // *Constitutionally Conforming Interpretation: Comparative Perspectives*. Oxford: Hart Publishing, 2023. S. 111–136.

References

1. Berezin Yu. B. Konstitucionno-pravovoj status organov konstitucionnogo kontrolya v evropejskix stranax: dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2006. 234 p.
2. Bernam W. Pravovaya sistema USA. M.: Novaya yustitsiya, 2006. 1211 p.
3. Dushenko K. V., Bagrinovskij G. Yu. Bol'shoj slovar' latinskix tsitat i vyrazhenij. M.: Azbuka-Attikus, 2017. 909 s.
4. Ismailov R. R. Perspektivy` evropejskoj modeli konstitucion-nogo kontrolya // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2024. T. 20. № 1. S. 32–41.
5. Miryasheva E. V., Pavlikov S. G., Safonov V. E. Sudebny'j konstitucionny'j kontrol' v Rossii i zarubezhny'x stranax: istoriya i sovremennost. M.: Rossijskij gosudarstvenny universitet pravosudia, 2015. 303 s.
6. Molotov A. V. Abstraktny'j i konkretny'j sudebny'j konstituci-onny'j normokontrol' v deyatel'nosti Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. Tumen, 2003. 229 s.
7. Raffeiher S. «Inoj mir» gosudarstvennogo immuniteta v ger-mano-ital'yanskom spore ob immunitete gosudarstva: vozmozhnosti i prepyatstviya posle resheniya ital'yanskogo Konstitucionnogo Suda // *Dajdzhest publichnogo prava*. 2019. №. 1. S. 42–71.
8. Sravnitel'noe konstitucionnoe pravo / B. N. Topornin [i dr.]. M.: Manuskript, 1996. 728 s.
9. Shimanek Ya. Konstitucionnoe pravosudie postsovetskix gosudarstv na fone model'ny'x reshenij v sfere vneparlamentskogo kontrolya konstitucionnosti prava // *Konstitucionnaya yusticiya v stranax Vostochnoj Evropy': problemy' teorii i praktiki*. M.: Norma, 2019. S. 20—60.
10. Amaral M., Pereira R. The Portuguese Constitutional Court // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 673–718.
11. Italian constitutional justice in global context / V. Barsotti [i dr.]. Oxford: Oxford University Press, 2017. 324 s.
12. Behrendt Ch. The Belgian Constitutional Court // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 71–117.
13. Brewer-Carías A. *Judicial Review in Comparative Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 432 s.
14. Calamandrei P. *La illegittimità costituzionale delle leggi nel processo civile*. Padova: Cedam, 1950. 98 s.
15. Cappelletti M., Adams J. Judicial review of legislation: European antecedents and adaptations // *Harvard Law Review*. 1966. Vol. 79. S. 1207–1224.
16. Cappelletti M. La justicia constitucional en Italia // *Boletin del Instituto de Derecho Comparado de Mexico*. 1960. Vol. 13. S. 41–57.
17. Cappelletti M. *Judicial review in the contemporary world*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1971. 117 s.
18. da Silva V. A. Beyond Europe and the United States: the wide world of judicial review // *Comparative Judicial Review*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. S. 318–336.

19. Debaenst B. An Introduction to Belgian Legal Culture // *Handbook on Legal Cultures: A Selection of the World's Legal Cultures*. Cham: Springer Publishing, 2023. S. 107–144.
20. de Jaegere J. Judicial review and strategic behaviour: an empirical case law analysis of the Belgian Constitutional Court. Cambridge: Intersentia, 2019. 368 s.
21. de Visser M. Constitutional Review in Europe: A Comparative Analysis. Oxford: Hart Publishing, 2014. 484 s.
22. Farahat A. The German Federal Constitutional Court // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 279–355.
23. Ferreres Comella V. Constitutional courts and democratic values a European perspective. New Haven: Yale University Press, 2009. 256 s.
24. Gerkrath J. The constitution of Luxembourg in the context of EU and international law as «Higher Law» // *National Constitutions in European and Global Governance: Democracy, Rights, the Rule of Law*. The Hague: Asser Press, 2019. S. 221–267.
25. Kauper P. Judicial Review of Constitutional Issues in the United States // *Verfassungsgerichtsbarkeit in der Gegenwart*. (Internationalen Kolloquium, Heildelberg 1961). Köln – Berlin: C. Heymann's Verlag. S. 568–642.
26. Kommers D., Miller R. The constitutional jurisprudence of the Federal Republic of Germany. Durham: Duke University Press, 2012. 900 s.
27. Pizzorusso A. Delle Fonti del Diritto. Commentario del Codice Civile, Art. 1–9. Bologna, 1977. S. 15.
28. Pfersmann O. Classifications organocentriques et classifications normocentriques de la justice constitutionnelle en droit comparé // *En hommage à Francis Delpérée — Itinéraires d'un constitutionnaliste*. Bruxelles/Paris: Bruylant/LGDJ, 2007. S. 1131–1145.
29. Popelier P., Martens L. The Belgian Constitutional Court: Navigating between constitutional rights and consociational politics // *Constitutional Review in Western Europe: judicial-legislative relations in comparative perspective*. Abingdon: Routledge, 2024. S. 52–76.
30. Rullo L. The Italian Constitutional Court: A powerful political institution // *Constitutional Review in Western Europe: judicial-legislative relations in comparative perspective*. Abingdon: Routledge, 2024. S. 191–214.
31. Tuleja P. The Polish Constitutional Tribunal // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 619–672.
32. Tusseau G. Au-delà des «modèles» de justice constitutionnelle, pour un comparatisme pragmatiste // *Metodologia della comparaisons. Lo studio dei sistemi giudiziari nel contesto euro-americano*. Bologna: Filodiritto Editore, 2014. S. 160–175.
33. Valentini C. Italy: Constitutionally Conforming Interpretation and Judicial Dialogue // *Constitutionally Conforming Interpretation: Comparative Perspectives*. Oxford: Hart Publishing, 2023. S. 111–136.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.